

Евгений ХОДАНИЦКИЙ

АЛЬМАРИОН
ПЕРВЫЙ ШАГ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Х69

Серия «Попаданец»
Выпуск 6

Оформление обложки *Айрата Аслямова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Х69 Ходаницкий, Евгений Сергеевич

Альмарион: Первый шаг: роман / Евгений Ходаницкий. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2016. — 352 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-099346-8

Он страшно обгорел, потерял память и изуродован. Найденыша приютил и усыновил старый ветеран, дав юноше имя погибшего сына — Крис. Вопреки всему он выжил. В мире, где живут люди, орки, эльфы, гномы и другие расы. И самое главное — где есть магия. Загадочным образом Крис исцеляется и возвращает себе нормальную внешность. Деревенская целительница, исследуя этот феномен, неожиданно увидела в Крисе мага редкой силы и способностей. Крис вспоминает, что он землянин, и его зовут Данислав Вольшин. Инициация не проходит незамеченной для сильных мира Альмарион. На Криса объявлена охота, но непонятные высшие силы поддерживают его. Вот только зачем и почему? Теперь его задача — выжить и овладеть искусством магии. Однако у мира, куда он попал, на Криса совсем другие планы. Куда более сложные.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-099346-8

© Евгений Ходаницкий, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Анхор приложил козырьком ладонь ко лбу и, щурясь, посмотрел на линию горизонта. Погода в последние дни стояла жаркая, на небе не было ни облачка. Горизонт таял и причудливо извивался в горячем мареве, и корчился в легких порывах едва ощутимого ветерка.

Мужчина обернулся и посмотрел на молодого человека, работающего на огороде. Тот был со всем тщанием замотан широкими длинными полосками ткани, что скрывали тело, покрытое тугими неестественными буграми шрамов. Кожа его была похожа на древесную кору, от чего он больше походил на нелюдя, чем на человека. И, чтобы не смущать людей своим видом, вне дома он ходил замотанным почти все время.

Сделав передышку, молодой человек оперся на лопату, выпрямился и, будто почуяв взгляд, повернул голову в сторону приемного отца.

— Устал? — спросил его Анхор. Сын замер, словно прислушиваясь к себе, и неуверенно кивнул. — Идем в дом. Отвар остыл. Сейчас из подпола достану.

— Я сам, отец.

Голос юноши, как бы он там ни выглядел, звучал немного хриловато, но приятно для слуха.

— Как скажешь. — Улыбнулся ветеран и направился в их неказистое жилище вслед за сыном, а в его памяти мелькали картины прошлого.

В тот год дожди шли лишь немного чаще нынешних. И жара стояла такая же, временами вызывая тревогу, что по холмам, выжигая сухостой, прокатится стихийный пожар. А его жизнь отставного вояки, казалось, застыла, погрузившись в глухое и беспросветное отчаяние. Тогда-то в ней и возник тот, из-за кого все переменялось практически само собой.

В тот давний день, ранним утром, Анхор собрал нехитрую снедь из пары сухарей и сушеной тыковки с колодезной водой. Все это он собирался, в очередной раз, оставить у маленького придорожного храма как подношение Исе у его маленького алтаря. В последнее время это был завтрак, а иногда и обед отставного вояки. Но он, прежде не чтивший ни богов, ни асуров, довольно часто изымал большую часть пищи из своего и так скудного рациона, чтобы сделать дар богу и напомнить об ушедшем родном человеке. Он не искал милости бога, просто однажды решил, что будет поступать так, и свое слово держал.

Храм, а вернее придорожное святилище, выполняющее его функции, как и положено, был установлен на перекрестке дорог. Сложенный у корней дерева из нескольких камней и хранящий внутри небольшую каменную чашу, уж было пришел в запустение, и зарос бурьяном, но Анхор быстро привел его в порядок, когда принялся за свои ежедневные паломничества.

Иса, бог холода и дорог, был также, по совместительству, проводником душ умерших в ожидающее

их посмертие. Бытовало мнение, что он никакой не бог, а самый, что ни на есть настоящий асур, однако сути дела это не меняло. Кроме него ветерану некому больше было излить свою боль, и некого было просить о милости для души сына, ушедшей за Пелену.

Прошло почти восемь лет, как Анхор похоронил своего единственного сына, унесенного красной лихорадкой. В тот год со стороны Земли Прорыва вместе с Серым Туманом, каким-то образом вырвавшимся за пределы защитного барьера, пришло полумагическое поветрие. Маги быстро расправились с магической сущностью, но вот принесенную ей заразу проглядели. В Высоких Холмах заболело всего несколько человек, которых тут же вылечили, пока страшная болезнь не успела набрать силу и перекинуться дальше. А вот у сына бывшего солдата симптомы проявились слишком поздно, и парень сгорел на руках отца всего за пару часов. Помочь ему было некому, да и на тот момент было уже слишком поздно. Самого Анхора смерть уже в который раз обошла стороной, хотя в те минуты, сходя с ума от горя, он желал и звал ее. Смысл жизни был потерян.

Около года он глушил гнилку — самогон, который гнал собственноручно из переспелых плодов. Но когда потерял дом, за долги перешедший в собственность мельника, спохватился и завязал. Жизнь, какая бы она теперь ни была, продолжалась. Потускневшее горе, омытое пьяным угаром, поблекло и превратилось в глухую тоску, а после и просто в светлую печаль.

С помощью бывшего сослуживца, жившего тут же, в Высоких Холмах, ветеран привел себя в чело-

веческий вид и, махнув рукой на потерянный домишко, начал обживать сторожку в пешей миле от поселка.

У этого места была своя долгая и невеселая история. Некогда тут стоял трактир. До возникновения Земель Прорыва он, по большей части, не пустовал, но когда дорога, ведущая на северо-восток, была отрезана из-за страшных событий в Чатране, поток путешественников прервался. Заведение стало не сильно прибыльным, хотя на плаву держалось, с божьей помощью. Это продолжалось до тех пор, пока здание не полыхнуло как щепка в костре. То ли кто-то из выпивох-завсегдатаев что-то не поделил с трактирщиком, то ли кто за огнем не досмотрел, достоверно не известно, но судьба распорядилась так, что строение сгорело до основания, благо, что никто не пострадал. После пожара осталась только сиротливо торчащая сторожка, лишь слегка подпаленная с одного края. Видимо, не вняв знаку свыше, трактирщик вложил все свои сбережения в восстановление здания, которое было для него не только средством заработка, но и родным домом, и, через четыре седмицы после того как изрядно уменьшившийся в размерах трактир вновь открылся, глухой ночью снова случился пожар. На этот раз не спасся никто. Утром, на пепелище, закопченный местный люд, вооруженный ведрами и бадьями, хмуро наблюдал все ту же сиротливую сторожку. Слово за слово, и место было общим мнением признано дурным. Для Анхора же, не желавшего общения и стремящегося в своей меланхолии к покою, это было только на руку.

Маленький огород, рыбалка на ближайшей реке и какая ни есть помощь все того же сослуживца не дали помереть с голоду. Всего какой-то сезон спустя Анхор уже почти напоминал себя прежнего. Только вот вбил с чего-то он себе в голову, что раз уж ни жизнь, по молодости полная опасностей, ни болезнь, принесенная тварью из Земли Прорыва, не коснулись его, то боги берегут его для чего-то особенного.

В религию, конечно, глубоко не ударился. Характер не тот. Денег на храм в дальнейшем паломничество не понес, а начал просто спокойно жить и тихо поджидать свою судьбу. Разве что к тому придорожному святилищу Исы, что на перекрестке, повадился ходить, усматривая в священных знаках Проводника Душ, выдолбленных на каменной чаше, что-то свое. А что именно, он сейчас и не упомнит. Было и было. В какой-то момент в голове все затерлось, и думать о том совсем не хотелось. Бродя как надеялся на то, что Иса проводил сына на тропу лучшей участи, ждущей его в посмертии за Пеленой, и чувствовал за то благодарность. А может, и еще что-то было в мыслях. Теперь это уже не важно.

В тот самый день, на подходе к перекрестку, у Анхора зашевелились волоски на руках, а в спутанной, еще темной, но уже с многочисленными седыми прядями, шевелюре, испугав его до икоты, треснув, проскочило несколько голубоватых искр. А потом встречный слабый порыв неуверенного ветерка принес странный запах чего-то паленого, смешанного с послегрозовой свежестью. Он бы с радостью повернул обратно, но упрямо и глупо решил

выяснить, что же там произошло. В ожидании чего-то тревожного, прихрамывая на ногу с застарелой боевой раной бедра, он отправился на встречу со своей судьбой. И нашел ее.

Холмистая местность с парой глубоких оврагов и местами одиноко торчащих кривых и невысоких диких яблонь загибала дорогу беспорядочными плавными поворотами. Из-за этого увидеть перекресток можно было лишь почти в него уперевшись. Едва миновав последний изгиб, Анхор замер. Просто застыл столбом, пытаясь осознать увиденное.

Аккурат в центре сходящихся дорог, напротив святилища, образовался почти ровный круг спекшейся и потрескавшейся земли. Ровно в его середине, свернувшись клубком, лежало сильно обожженное тело человека. Остатки одежды на нем медленно тлели, отправляя вверх тонкие, завивающиеся колечками струйки дыма. Кожа незнакомца была местами сожжена до черноты. Тем удивительнее было то, что пострадавший дернулся и хрипло застонал, вырвав ветерана из ступора. У Анхора в голове в то мгновение проскочила только одна мысль: «Свершилось!» Он спешно бросился вперед, ссыпал в чашу подношение и провел ладонью ото лба к груди. А затем подскочил к обожженному телу, вблизи оказавшемуся сильно обезображенным молодым парнем. Под сердцем засвербело воспоминание о сыне, а руки уже осторожно подхватывали тело и забрасывали его на плечо.

Анхор попытался припомнить, как быстро он домчал до сторожки, но в памяти сохранилось только то, что он тогда сильно спешил, практически не

ощущая веса тела найденного человека. Да еще помнился момент, когда он достиг дома и, не рассчитав силы, пнул дверь так, что позже ее на место навешивать пришлось.

Уложив хрипло дышащего парня на лавку, мужчина растерянно застыл, соображая, что же ему делать дальше. У обгоревшего, как ни крути, шансов выжить было мало. Такие повреждения Анхор видел только единожды в жизни. Тогда ему, обычному защитнику пограничной крепости, стоящей на притоке Велы, довелось видеть, что делает с людьми брошенная магом огненная сфера. Пламя в тот раз прошло над стенами по касательной, но и этого хватило, чтобы трое его соратников пропеклись до хрустящей корочки. Правда, те несчастные погибли мгновенно, а мальчишка все еще дышит, хоть и сипит горлом. Ветеран поколебался и осторожно приложил ухо к груди парня. За судорожным хрипом он услышал ровные и сильные удары сердца, каких не бывает у тех, кто собирается уйти за Пелену. И это дало понять, что шансы есть.

Он ухмыльнулся, вспоминая, как в то же время к нему пришла Амия, старшая внучка Парса, того самого сослуживца, выручившего ветерана в тяжелые времена. Через нее Парс от случая к случаю передавал гостинцы. Девушка удивилась снесенной двери, потом шутливо возмутилась, что дядька Анхор прикидывается бедняком, а у самого в сторожке жареным мясом пахнет, а после с трудом удержала завтрак в желудке, когда увидела это «мясо». Собственно, именно Амия решила вопрос, что делать дальше, быстро приведя в сторожку целительницу Эйру. Та девку давно к рукам прибрала, прочитав

в ней дремлющую Силу и взяв на обучение. Ветеран был отодвинут в сторонку, и наставница с ученицей принялись хлопотать над обожженным.

Пять дней Эйра проводила у Анхора в сторожке большую часть суток, обрабатывая парня вонючими мазями и маслами, а Амия, под бдительным надзором, варила лечебные отвары и вливала найденышу в рот. Анхору уж впору было на улице ночевать, так пахло в домике, но внезапно, на исходе пятого дня парень пришел в себя и открыл глаза.

Всеобщее удивление вызвало то, что молодой человек довольно скоро стал поправляться чуть ли не на глазах. Отслоились струпья, открыв бугристую и зеркально гладкую кожу, местами будто скрученную в жгуты. Глаза прояснились, избавившись от болезненной мути. Не прошло и седмицы, с того дня как парень пришел в себя, однако ж он уже начал делать попытки вставать. Только одно было плохо — память его, то ли от пережитой боли, то ли по какой-то другой причине, сильно пострадала. Он не понимал ни слова и на любую вещь смотрел с детским удивлением, но при этом проявлял понимание взрослого рассудительного человека.

Вскоре после того как найденыш стал, с общей помощью, учить язык, Анхор, повинувшись душевному порыву, дал ему имя своего потерянного сына. Так Безымянный, потерявший свое прошлое, обрел имя Крис и стал приемным сыном старому бойцу, о чем тот ни разу не пожалел.

Само собой, в секрете существования Криса удержать не удалось. Жители Высоких Холмов обо всем прознали, и тут же поползли слухи и сплетни одни других нелепей. Когда дошло до того, что

стали плести байки, будто Анхор выкопал сына и, с помощью Эйры, воскресил его как богопротивную нежить, отчего народ стал нешуточно тревожиться, староста Орстик приперся выяснять что да как. На беду он столкнулся с Крисом, вышедшим до ветру. В тот раз впечатлительный толстяк, тонко вереща на одной ноте, побежал домой со всех ног. Так бежал он, наверное, впервые со времен голоногого детства. Толпу с вилами и факелами Анхор останавливал на пару с Эйрой, заступничество которой и сыграло основную роль. Идти против единственной целительницы в округе не захотел никто. Наверное, даже окажись Крис и в самом деле нежитью, одного ее слова было бы достаточно, чтобы его оставили в покое.

Крис все схватывал на лету. Года не прошло, как он уже чисто говорил на восточном наречии. Эйра только хмыкала и говорила, что мальчишка не учит, а попросту вспоминает язык и, чем дальше заходит обучение, тем быстрее он его постигает. А вот когда она ради интереса попробовала провести для него урок по письму, тот, единожды увидев буквы, тут же по памяти безошибочно их начертил. Эйра тогда сказала Анхору, что найденыш вполне может оказаться из знатного рода. И лучше об этом помалкивать на всякий случай. Еще через год с небольшим Крис уже свободно говорил, читал и писал на восточном и южном наречиях тринийского и неплохо освоил хитрости простого счета.

После того как тело парня окрепло и стало терпимо переносить нагрузки, без чужой подсказки, с помощью деревянной лопаты на кривом черенке парень перекопал старое пепелище трактира,

пополнив хозяйство нужными находками. Анхор, тогда долго с удивлением разглядывал вываленную во дворике кучу ржавого хлама. Но, пройдя через руки Криса, найденные инструменты, включая даже съеденный ржой кинжал, гнутые ножницы и ополовиненную пилу, вскоре обрели новую жизнь. Парень, настрогав из поленьев рукояток и счистив порченное железо старым оселком Анхора, быстро привел инструмент в относительный порядок. Все как надо насадил, где погнулось — молотком выпрямил. И уже с их помощью привел сторожку в нормальный вид.

Не текла больше крыша, перекошенная дверь встала на свое место, появились новые ступени на пороге и почти полностью исчезли щели и дыры в разошедшихся стенах. В преддверии холодной зимы, изменения были нужными. Прошлая зима прошла для Анхора тяжело. Все-таки без теплого жилища, в постоянных сквозняках, человеку, разменявшему пятый десяток и получившему на службе не одну рану в коротких пограничных стычках, долго не протянуть.

События трех последних лет искрой мелькнули перед глазами старого вояки, погрузив его на мгновение в ушедшие дни и стремительно вернув в настоящее, в тот момент, когда он перешагнул порог дома.

* * *

Крис вынес из маленького подпола кувшин с остуженным настоем и разлил по чашам. Отхлебнув бодрящего напитка, немного пощипывающего

язык, ветеран отметил, что Эйра хорошо натаскала Амию на травах. Именно девушка приносила Анхору и Крису эти замечательные сборы для настоя. А затем его мысли сами собой перескочили на более серьезные насущные дела, в центре которых была все та же Амия.

За время заботы о парне девушка, как ни странно, привязалась к Крису, невзирая на его уродство. О нежных чувствах речь, скорее всего, не шла. Их отношения больше были похожи на дружбу. Тут уж ничего не попишешь. Шрамы парня были страшны. Однако Амия, видать, привыкла к облику Криса. И в том была проблема.

Как признавалась сама Амия, приемный сын Анхора привлекал девицу тем, что впитывал любые знания как губка, а после свободно использовал их в разговоре, дополняя собственными выводами, а бывало и опровергая их. Амия обожала с ним спорить и приходила в гости при каждом удобном случае. Именно это Анхора и беспокоило. Со стороны подобное смотрелось предосудительно. Пока что авторитет Эйры защищал девушку от откровенных порицаний, но рано или поздно текущее положение дел сменится в не лучшую сторону и гнев будет направлен в первую очередь на Криса.

Амия — девка красивая. Слишком многие горячие головы заинтересованы в том, чтобы она подарила им свое внимание. А магический дар, увиденный в девушке целительницей, только набивает цену. Хоть и ясно как белый день, что, едва способности Амии проснутся, в Высоких Холмах она не задержится, отправившись за лучшей долей.